

Греческий Мусейон до Александрии

Обстоятельный разбор предшествующей появлению александрийского Мусейона традиции и особенностей развития, характерных для античных святилищ Муз, нам представляется излишним. В нашем случае говорить имеет смысл, исключая из него места первоначального поклонения Музам и их предводителю Мусагету, в роли которого закрепился Аполлон, - вроде долин в предгорьях Пиерии (с отрогами Олимпа) и Беотии (Геликона и Либефриона). По ряду внешних признаков к ним можно добавить более поздние Дельфы под Парнасом, мусейон в которых не имел самостоятельного значения, поскольку являлся частью общего храмового комплекса Аполлона. Литературы по ним – особенно знаменитому феспийскому у подножья Геликона - предостаточно. Священная роща, источники, грот, Гесиод, Пиндар, религиозно-ритуальные празднества с жертвоприношениями и агонами - мусическими и атлетическими, творения Кефисодота, Олимпиосфена, Праксителя, Лисиппа, Мирона, денежное попечительство со стороны эллинистических монархов, в том числе и в первую очередь Птолемеев и Атталидов – всё это безумно интересно, однако уводит нас в сторону.

И не только потому, что расцвет феспийского Мусейона пришелся уже на середину и вторую половину III столетия до н.э. Нас всё-таки должны больше занимать городские мусейоны, в которых на смену архаическим каменным жертвенным платформам, столбам или статуям пришли более классические храмы. Но не все¹, а только те, которые в плане своего назначения и организации постепенно ступили за формальные культовые рамки и переродились в мусейоны-школы, мусейоны – ученые сообщества, где в число мусических занятий стали входить философия и естествознание. В Пиерии (как и в Феспиях²) до этого не дошло, и это дает нам основание отводить македонский след (вообще, а равно и основополагающую роль Птолемея Сотера в частности) в истории александрийского Мусейона. К тому же, согласно Страбону³, пиеры, учредившие культ Муз еще до прихода на эти земли македонян, на самом деле были фракийцами.⁴

¹ Небольшие храмы Муз в греческих полисах известны по описаниям Павсанием Мегалополя (VIII, 32, 1-2; также ксоаны Муз перед входом в храм Афродиты - VIII, 31, 3), Трезены (II, 31, 4), Спарты (III, 17, 5), Олимпии (V, 14, 8) и даже тех же Феспий (IX, 27, 5). Возможно, таковыми же можно считать и культовые сооружения в других греческих городах. Как и священные участки Муз с их статуями при дидаскалиях и гимназиях. Однако они по большей части не имели самостоятельного значения.

² Впрочем, наличие в Феспиях архива (со списками победителей агоний) и, не исключено, библиотеки можно предполагать, однако про образование в то время на их основе неких учебных либо научно-просветительских учреждений говорить не приходится.

³ Страбон. География, IX, 2, 5 и X, 3, 17.

⁴ Есть еще одна, возможно, любопытная македонская параллель – эпизод из истории Александра, непосредственно предшествовавший азиатскому походу: *«После этого, вернувшись в Македонию вместе с войском, царь собрал военачальников и наиболее почтенных друзей и предложил им обсудить вопрос относительно экспедиции в Азию: когда выступить в поход и каким образом начать войну. (2) Антипатр и Парменион советовали сначала народить детей и тогда уже браться за такое дело. Александр, деятельный, не выносивший ни в каком деле отсрочки, стал противоречить: стыдно, заявил он, военачальнику, поставленному всей Элладой, получившему от отца непобедимое войско, смиренно сидеть, справляя свадьбы и ожидая рождения детей. Объяснив им выгоды войны и воодушевив своими речами,*

Первой подобной школой обычно называют пифагорейский союз в Кротоне.

Он дал истории науки достаточно много имён, среди которых хватает блестящих – Архита, Лисида (учителя Эпаминонда), Гикета, Гиппаса, Менестора, Гиппона, Еврита, Тимея и других. Список можно расширить за счет аристоксеновского (или псевдоаристоксеновского?) каталога пифагорейцев, приводимого Ямвлихом, – в нём 218 имен. Не все они на слуху или бесспорны, но это обстоятельство не отменяет значения и огромного влияния пифагорейского учения на историю науки и человечества.

За их явной факультативностью мы воздержимся от более или менее обстоятельного рассмотрения воззрений его представителей, в том числе главного из них – самого Пифагора, вычленим только те особенности, которые относятся к заданной теме.

В этом занятии нам приходится сталкиваться с трудностями интерпретации сохранившихся источников, которыми являются сочинения доксографов и философов других школ.

Сам Пифагор для нас безгласен – после него не сохранилось никакой письменной традиции.⁵

Более того, *«про очень немногих пифагорейцев известно, что они были авторами сочинений. Замечательно также и их упорство в неразглашении учения: за столько лет до поколения Филолая, как представляется, никто не столкнулся ни с одним пифагорейским сочинением»*.⁶ Как принято считать, первое пифагорейское сочинение принадлежало стилосу Филолая, родившегося через два десятилетия после Пифагора. «Смутные и рассеянные искры» после Архиппа, Лисида и Архита Тарентского закончились на Стагирите и Аристоксене. Последующая письменная традиция «пифагореизма» в значительной мере состоит из псевдоэпиграфов за авторством «пифагористов и пифагорействующих».⁷

«Что же касается свидетельств о древней пифагорейской школе, то они отличаются следующим знаменательным характером: чем ближе они по времени к древней пифагорейской школе, тем они скуднее; напротив, чем далее отстоит автор от древнего пифагореизма, тем обильнее и содержательнее его сообщения... Сообщения о древнем пифагореизме всё

он принес великопленные жертвы богам в месяце дии и устроил театральные представления в честь Зевса и Муз (первым ввел их Архелай, царствовавший раньше). Праздник справлялся в течение 9 дней, каждый день был посвящен той музе, чьим именем он был назван. Устроена была палатка на 100 лож, и царь пригласил на пир друзей, военачальников и посольства от городов. После роскошных приготовлений, угостив многих, он роздал всему войску жертвенное мясо и все положенное для пира и предоставил солдатам отдых» - Диодор. Историческая библиотека, XVII, 16, 1-4. Сложно сказать, насколько этот эпизод с Музами мог повлиять на согласие Птолемея, претендовавшего на родство с Александром, учредить в Александрии Мусейон.

⁵ *«От Пифагора сочинений не осталось, а спасшиеся Архипп, Лисид и остальные, кто был тогда на чужбине, сберегли лишь немногие искры его философии, смутные и рассеянные»* - Порфирий. Жизнь Пифагора», 57. О том же раньше писал Гален. А также Плутарх и Клавдиан Мамерт. Добросовестности ради укажем, что Диоген Лаэртский и Гераклид Лэмб утверждают обратное, приводя даже названия трудов Пифагора.

⁶ Ямвлих. О Пифагоровой жизни, 199.

⁷ Выражение Л.Жмудя - Л.Жмудь. Пифагор и ранние пифагорейцы, Унив-т Дмитрия Пожарского, М., 2012, с. 124. Там же: *«Пифагористы и пифагорействующие появились тогда, когда никаких пифагорейцев уже не было. В той мере, в какой эти фигуры вообще реальны, они представляют собой одну из филиаций пифагореизма, которая имеет такое же отношение к раннепифагорейскому сообществу, как трактаты псевдо-Архита — к его подлинным сочинениям»*.

более возрастают в объеме и падают по степени достоверности: так, весьма обширный материал предлагают сохранившиеся неоплатоновские биографии Пифагора, написанные Порфирием и Ямвлихом, но они скорее знакомят нас с легендой о Пифагоре и с религиозно-философскими воззрениями неопифагореизма и неоплатонизма, нежели с подлинным Пифагором и с учениями древней пифагорейской школы. Вообще в сообщениях о древнем пифагореизме, можно, так сказать, поставить точку после Аристоксена».⁸

Эту особенность развития пифагореизма принято объяснять в числе прочего крайней закрытостью и отъединенностью союза (который в последующем вызывал у исследователей сравнения с монастырем, сектой или даже масонской ложей). Достигаемыми в числе прочего наличием уровней и разрядов посвящения адептов («вместе со своими учениками, числом до трехсот» и «более двух тысяч человек» в «огромном училище»; «одни ученики назывались «математиками», то есть познавателями, а другие «акусматиками», то есть слушателями: математиками – те, кто изучали всю суть науки и полнее и подробнее, акусматиками – те, кто только прослушивали обобщенный свод знаний без подробного изложения»⁹) и обетом пятилетнего молчания – основами того самого «упорства в неразглашении учения». Повседневная жизнь членов пифагорейских общин регламентировалась многочисленными запретами и ограничениями далеко не всегда обрядово-ритуального или символического характера, а скорее подготовительного для таких наставлений – см. у Диогена Лаэртского: «запрещал даже убивать животных, а тем более ими кормиться, ибо животные имеют душу, как и мы», «не есть краснушки, не есть чернохвостки, воздерживаться от сердца и от бобов, а иногда (по словам Аристотеля) также и от матки и морской ласточки»; «огонь ножом не разгребать; через весы не переступать; на хлебной мере не сидеть; сердце не есть; ношу помогать не взваливать, а сваливать; постель держать свернутой; изображения бога в перстне не носить; горшком на золе следа не оставлять; малым факелом сиденья не осушать; против солнца не мочиться; по неторным тропам не ходить; руку без разбора не подавать; ласточек под крышей не держать; кривокогтых не кормить; на обрезки ногтей и волос не наступать и не мочиться; нож держать острием от себя; переходя границу, не оборачиваться»¹⁰; «домашние растения не повреждать и не губить, равно как и животных, если они не опасны людям... ни хохотать, ни хмуриться. Тучности избегать, в дороге умерять усталость отдыхом, память упражнять»; «От бобов воздерживаться Пифагор велел (по словам Аристотеля в книге "О пифагорейцах") то ли потому, что они подобны срамным членам, то ли вратам Аида, то ли потому, что они одни – не коленчатые, то ли вредоносны, то ли подобны природе целокупно-

⁸ А.О.Маковельский. Досократики, часть третья (Пифагорейцы, Анаксагор и др.), Казань, книгоиздательство М.А.Голубева, 1919, с.4.

⁹ Порфирий. Жизнь Пифагора, 37, перевод М.Л.Гаспарова.

¹⁰ Диоген Лаэртский, VIII, 1, 18. Вариант: «Уходя, не оглядывайся», то есть перед смертью не цепляйся за жизнь; «По торной дороге не ходи» – этим он велел следовать не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих; «Ласточек в доме не держи», то есть не принимай гостей болтливых и несдержанных на язык; «Будь с тем, кто ношу взваливает, не будь с тем, кто ношу сваливает», – этим он велел поощрять людей не к праздности, а к добродетели и к труду» - Порфирий. Жизнь Пифагора, 42.

сти, то ли служат власти немногих (ибо ими бросают жребий)»¹¹. Так даже на повседневном уровне укоренялась замкнутость и поведенческая инакость, отличавшая «пифагорейский образ жизни».

«Между тем кумулятивный эффект всех передаваемых традицией пифагорейских предписаний и табу таков, что и «акустики», и «математики» должны были бы посвящать исполнению этих «божественных заповедей» всю свою жизнь. Принятый всерьез, подобный образ пифагорейского сообщества вступает в разительное противоречие с тем, что наши источники сообщают об успехах ранних пифагорейцев в философии, науке и медицине, в спорте и — last but not least — политике. Предпринимавшиеся до сих пор попытки разрешить эти противоречия трудно признать удачными. Раннепифагорейскую философию и науку либо отрицают (с разной степенью последовательности), либо пытаются найти некое объяснение их парадоксальному расцвету в секте суеверных ритуалистов. Так, соединение «мистицизма и науки» в пифагореизме объясняли особенностью пифагорейской религии, с точки зрения которой занятия математикой служили очищению души. Помимо того, что такой платонический подход к науке в древнем пифагореизме не засвидетельствован, он касается только математики, оставляя без объяснения занятия Гиппаса гармоникой и акустикой, Алкмеона и Гиппона — медициной и физиологией, Менестора — ботаникой, Филолая — астрономией».¹²

И далее: «Если неопифагорейцы и неоплатоники не видели никакого противоречия в том, что в пифагорейском сообществе, которое они рисовали в виде авторитарной секты, процветали наука и философия, то авторы IV в. были гораздо чувствительнее к подобным противоречиям. Аристотель, собравший множество легенд о Пифагоре, обычно избегал говорить о нем в научном и философском контексте и отделял Πυθαγόρειοι «в целом» от конкретных представителей этой школы, которых он никогда не называл пифагорейцами. Аристоксен всеми силами стремился опровергнуть распространенное в его время представление о пифагорейцах как об общине суеверных вегетарианцев».¹³

Чем же в свете сказанного выше полагать пифагорейский союз, если отойти от уже упомянутой терминологии средневековья? Это схола (философская школа), фиас (культово-религиозное объединение) или гетерия (некое аристократическое сообщество «по интересам»)? И какой мостик между ним и более поздним александрийским Мусейоном, органично сочетавшим в себе признаки все трех названных учреждений, возможно проложить на этой основе?

Помимо той самой «смутности и рассеянности искр», нашей определённости в выводах препятствуют несколько простых материальных соображений.

По большому счету мы весьма туманно представляем себе а) организационные основы и строение пифагорейского союза в южной Италии, б) источники его существования и в) «преподавательский состав».

¹¹ Там же, 23 -24.

¹² Л.Жмудь. Пифагор и ранние пифагорейцы, Унив-т Дмитрия Пожарского, М., 2012, с. 121-122.

¹³ Там же, с. 123.

Пифагора сложно определить как схолаха либо жреца-иерофанта. Реализация подобного статуса главы школы или фиааса, оперативное и любое иное сообщение «филиальных» подразделений союза с «головным», а тем более выстраивание сколько-нибудь жестких отношений управления и субординации между ними, руководящее положение второго в применении к местным отделениям либо их совместные мероприятия не могли не затрудняться территориальной разбросанностью союза по всей южной Италии. Особенно во времена властных гонений на союз.

Источники материального обеспечения деятельности союза, если он на самом деле являлся именно школой или фиаасом, по своему характеру нуждавшимися в регулярных и значительных вложениях денег, также вызывают вопросы. О денежных возможностях Пифагора нам мало известно. Вряд ли их ему обеспечивал его отец Мнесарх – камнерез или торговец (по версиям Диогена Лаэртского и пифагоровского агиографа Порфирия соответственно; хотя вот Э.Целлер считал его богатым ювелиром) с Самоса. Легендарные странствования Пифагора по городам и весям околореческого мира и Ионии перед переездом в Кротон также далеко не явно располагали к финансовому благополучию. Тот же храм Муз в Кротоне по собственной воле выстроили горожане¹⁴ - Пифагор, насколько можно судить, только подал им начальную идею. Насколько можно судить, ученичество членам союза ничего не стоило, оно было бесплатным. О складчине между ними – «у друзей всё общее» - мы тоже не знаем.

Больше резонов, как кажется, склониться всё же к третьей версии и, как следствие, к сомнениям в органичности пифагорейского мусейона.¹⁵ Конечно, в нашем случае для гетерии не исключались частью признаки и элементы двух остальных. Наличие и взаимозависимость ученичества и наставничества, свои сложившиеся научные направления и традиции, пусть и выходявшие за рамки философии ближе к точным наукам и медицине, почитание дельфийской триады - Аполлона (впрочем, и до Пифагора считавшегося в Кротоне общеполисным божеством и имевшего там свои храмы – Пифийский, Гиперборейский и Алийский), Диониса и Геракла,¹⁶ своя обрядово-мистериальная практика, заимствованная от орфиков, но получившая в более поздние времена особое развитие, – ничего этого нельзя отрицать. Однако до сих пор никакими другими свидетельствами существования храмов и культов Муз у пифагорейцев в Кротоне, Метапонте и где бы там ни было еще, кроме беглых и невнятных оговорок заметно более позднего времени - Лаэртского (со ссылкой на Дикеарха), Ямвлиха (примечание 14 к предыдущему абзацу) и Помпея Трога,¹⁷ мы не располагаем. *«Вопреки Буаянсе (Boyancé. Muses, 235 η. 1), Цицерон (De fin. V,2,4) ничего о храме не говорит. Maddoli C. F. I culti di Crotona, ACGSM 23 (1984) 338, опирается лишь на*

¹⁴ Ямвлих. О Пифагоровой жизни, IX, 45- 50.

¹⁵ Существуют мнения в пользу фиааса – например, подобной точки зрения придерживался такой научный авторитет как У.Вилламовитц-Мёллендорф.

¹⁶ *«Наряду с дельфийскими богами, чтимыми пифагорейцами, мы находим и соответственных богинь. Во-первых, Артемиду, сестру Дельфийского и Гиперборейского бога, во-вторых, Гестию (Весту): Дельфы были общегреческим центром культа этой богини (κοινή εστία)». Мистерии предполагают Великую Матерь богов, и, как мы увидим, такую мать является пифагорейцам именно Гестия, одна из богинь, олицетворяющих собою мистическую идею земли как жертвенника»* - С.Н.Трубецкой. Метафизика в Древней Греции, М., Мысль, 2010, с. 177.

¹⁷ Iust. XX,4,18.

*материал Ямвлиха. Giangiulio. Ricerche, 51,185 η. 119, тоже не приводит никаких новых данных. Вполне возможно, что источник Ямвлиха, Аполлоний, проецирует на Пифагора историю с основанием Платоном святилища Муз в Академии (D. L. IV, 1 и 19)».*¹⁸

Вопрос о преемственности между пифагорейским союзом и платоновской Академией для нашего исследования второстепенен. Её усматривали даже в таких мелких внешних подробностях как платоновское поручение Диону купить за сто мин три книги Филолая. Или в дружеских отношениях, связывавших Платона с Архитом из южноитальянского Тарента, куда он наведывался в свой первый приезд на Сицилию и где вроде бы имелся свой мусейон.¹⁹

Мы здесь говорим не о влиянии пифагореизма на мировоззрение Платона. Хотя подобная точка зрения стала общим местом еще с Аристотеля, который смотрит на учение Платона как на *«во многом примыкающее к пифагорейцам, но имеющее и свои особенности по сравнению с философией италийцев»*. («Метафизика» Alpha 6,987a29-Б4). *«Он соединил учения Гераклита, Пифагора и Сократа: о чувственно воспринимаемом он рассуждал по Гераклиту, об умопостижимом – по Пифагору, а об общественном – по Сократу»*, подтверждает Лаэртский²⁰. А за ним и философы новейшего времени: *«Сам Платон, величайший из философов, при всей своей оригинальности был наполовину пифагореец (Arist. Met. Γ 6): система его может рассматриваться как преобразованное пифагорейство, прошедшее через горнило сократической диалектики. И особенно в последний период жизни Платона, быть может— под влиянием Архита, пифагорейский элемент его философии становится преобладающим; его ближайшие ученики, первые «академики», отличались столь резким пифагорейским характером, что свидетельства Аристотеля об их философии до сих пор постоянно смешиваются со свидетельствами об учении первоначальных пифагорейцев»*.²¹

Нас занимает более узкая тема – Мусейон. Платоновский вполне мог оказаться для Деметрия Фалерского прообразом того, который он позже замыслил в Александрии.

Скорее всего, платоновский не был первым в Афинах – если верить тому же Павсанию, упоминавшему *«статуи Афины Пэонии (Целительницы), Зевса, Мнемосины и муз с Аполлоном»* на священном участке Диониса²² и Илис, который *«был святилищем и других богов и на нём есть жертвенник Илисиад (Муз)»*²³.

¹⁸ Л.Жмудь. Пифагор и ранние пифагорейцы, Унив-т Дмитрия Пожарского, М., 2012, прим. 31 на с. 129. Жмудь имеет в виду исследование Пьера Буаянсэ «Le culte des Muses chez les philosophes grecs, études d'histoire et de psychologie religieuses», Париж, 1937.

¹⁹ Полибий в двух местах восьмой книги «Истории» (главы 27 и 29) упоминает Музей в Таренте, но когда он там появился, нам ничего не известно. Всё-таки между 389 годом до н.э. - датой приезда Платона на юг Италии - и событиями Второй Пунической войны, о которой рассказывает историк, пролегал пропасть в два столетия без четверти.

²⁰ Диоген Лаэртский, III, 1, 8.

²¹ С.Н.Трубецкой. Метафизика в Древней Греции, М., Мысль, 2010, с. 161.

²² Павсаний. Описание Эллады, I, II, 5.

²³ Там же, I, XIX, 6. Сознаёмся, что здесь мы в угоду большей связности речи некорректно цитируем Павсания – приводимая выдержка должна начинаться со слов «Афиняне хотят, чтобы», несколько меняя смысл. Однако нас отчасти может извинить то обстоятельство, что в цитате «жертвенник Илисиад» сопутствует изъяснительному, а не сослагательному наклонению глаголов.

Роща Академа, в которой этот мифический герой был похоронен, неподалёку от реки Кефисс и в 6 стадиях от Дипилоновых, самых больших в античном мире ворот, возведенных при Фемистокле в рамках плана строительства городских стен и оборонительных сооружений, была хорошо известна в Афинах. Масло, которое давили из её оливок, преподносили победителям на Панафинеях в расписанных вазах. Ворота были начальной точкой Панафинейской процессии на Акрополь, и через них же от Священных ворот чуть юго-восточнее проходила дорога в Элевсин.²⁴ Более поздняя дорога отсюда же к Академу была местной, но крайне почитаемой, ибо прорезала квартал «малых» храмов²⁵ и главного афинского некрополя Керамикоса. В обратную сторону – факельный бег (лампадархия, или лампадедромия) из рощи Академа в Керамик являлся частью праздника Прометея²⁶, жертвенник которого, как и Афины, Гермеса, Гефеста, Геракла и Эрота (поставленный перед входом в гимнасий Писистратом - *«Писистрат был влюблен в Харма и поставил статую Эрота в Академии — на том месте, где зажигают огонь при беге со священными факелами»*²⁷) находился в Академе.

В районе Керамикоса (особенно) и Колона концентрация захоронений была самой большой в Афинах. *«В сравнении с Керамикосом другие кладбища были проще, намного хуже организованными и в целом менее внушительными по характеру надгробных памятников. Вначале кладбища здесь были вполне обычными; но затем выделилось как место упокоения тех, кому город желал отдать наивысшие почести, и приобрело в облике величественности и изысканности»*.²⁸ Захоронения вдоль дороги к Академу примерно со времен Фемистокла²⁹ стали *demosion sema* (национальным кладбищем), на котором ежегодно 5 боэдромиона проводился фестиваль в память всех усопших *Genesia*, заведенный еще Солоном, и за общественный счет хоронили (или воздвигали надгробные монументы и стелы, если физическое захоронение было невозможно) выдающихся в том или ином отношении афинян – героев военных действий, олимпийцев, государственных мужей, деятелей искусства, философов. Павсаний³⁰ называет некоторые имена - Фрасибула, Перикла, Хабрия, Формиона, Клисфена, Эвбула, Толмида, Конона и Тимофея, Зенона и Хрисиппа, Гармония и Аристогитона, Эфиальта и Ликурга, живописца Никия, сына Никомеда.

²⁴ Здесь же были еще две дороги. Одна – боковое ответвление от Элевсинской совсем близко к её началу (метров 70), уходила в Пирей. Другая, начинавшаяся у Эрийских ворот, в стадии к северо-востоку от Дипилоновых, вела в Колонос Гипшиос – тот самый Колон Эдипа.

²⁵ См. R. E. Wycherley. *Minor Shrines in Ancient Athens*. - в: Phoenix, Vol. 24, No. 4 (Winter, 1970), pp. 283-295.

²⁶ Эхил, фр. 208 Радт.

²⁷ Плутарх. Солон. 1, 1.

²⁸ Richard Ernest Wycherley. *The Stones of Athens*, Princeton University Press, 2016, ch. XI, p. 254, перевод наш.

²⁹ Гомме (A. W. Gomme, *Historical Commentary on Thucydides* 11, Oxford, 1956) вообще относит их ко времени еще до персидских войн. Отчасти солидаризируется с ним С.Хамфриз - S. C. Humphreys. *Family Tombs and Tomb Cult in Ancient Athens: Tradition or Traditionalism?* – в: *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 100, Centenary Issue (1980), pp. 102. Якоби (F. Jacoby, *JHS* 64, 1944, 37ft) называет 465-464 г.г. до н.э. – там же, с. 257, прим. 12. По Якоби см. также F. Jacoby. *Patrios Nomos: State Burial in Athens and the Public Cemetery in the Kerameikos*. – в: *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 64 (1944), pp. 37-66.

³⁰ Павсаний. Описание Эллады, I, XXIX, 2 -16.

Из платоновского жизнеописания Диогена Лаэртского нам известно, что *«погребен он в Академии, где провел большую часть жизни в занятиях философией»*³¹. Как эта «погребальная тема» сказалась на изначальном выборе Платоном места для своей школы, трудно судить.

Лаэртский передает нам другую версию, согласно которой участие Платона в приобретении участка в Академе было совсем минимальным. После ссоры на Сицилии с Дионисием Старшим *«разгневанный тиран хотел поначалу его казнить, но Дион и Аристомен отговорили его, и он выдал Платона спартанцу Поллиду, как раз в это время прибывшему с посольством, чтобы тот продал философа в рабство. Поллид увез его на Эгину и вывел на продажу... Выкупил его за двадцать мин (по иным сведениям, за тридцать!) случайно оказавшийся там Анникерид Киренский и препроводил в Афины к его друзьям. Те немедленно выслали Анникериду деньги, но он их отверг, заявив, что не они одни вправе заботиться о Платоне. Впрочем, некоторые говорят, будто деньги выслал Дион; но Анникерид не взял их себе, а купил на них Платону садик в Академии»*.³²

Ряд соображений, о которых распространяться нет особого смысла, заставляет видеть в этом рассказе доксографа не более чем обычный, не слишком притязательный вымысел. Платон происходил из знатной и зажиточной семьи, возводившей свой род к последнему афинскому царю Кодру и Солону³³, и наверняка имел достаточно средств, чтобы выкупить участок самому, без помощи извне от кого бы то ни было. По крайней мере, жил он на широкую ногу, за что его порицал даже киник Диоген, и денег со своих учеников за занятия в Академии и совместные с ними сисситии³⁴ он не брал³⁵, хотя содержание святилища и школы требовало немалых издержек. Это навряд ли означает отсутствия в школе учета доходов и расходов. Правда, в другом месте у Лаэртского сообщается, что *«от Дионисия он получил более 80 талантов (о чем пишет и Онетор в книге под заглавием «Нажиться ли мудрецу?»»*³⁶. Если этот (скорее всего, не менее легендарный) подарок Платону и имел место в действительности, то он явно исходил не от Дионисия Старшего, а от его сына и наследника с тем же именем, но Младшего. Посещение философом двора последнего в Сиракузах случилось на четверть века позже, когда Академия уже вовсю существовала.³⁷

На самом деле Академ с его тенистыми аллеями уже в те времена был известным местом для прогулок софистов и философов - даже Сократа (подтверждение чему мы находим в одном из

³¹ Диоген Лаэртский, III, 1, 41.

³² Там же, 18 – 20.

³³ Там же, 1.

³⁴ *«За платоновской трапезой было двадцать восемь едоков»*; *«Когда Тимофей, сын Конона, с пышных обедов у стратегов попал на пир в Академию к Платону и был им принят просто и со вкусом, он сказал, что от Платонова обеда и на завтра хорошо»* - Афиней. Пир мудрецов, I, 7, 4 е и X, 14, 419 с - d соответственно.

³⁵ *«Платон своих питомцев освобождал от платы»* - ДЛ, IV, 1, 2.

³⁶ Диоген Лаэртский, III, 1, 9.

³⁷ Но и это не последнее свидетельство Лаэртского о вспомоществованиях Платону. Есть и еще: *«В Афинах он даже выступил хорегом (за счет Диона, как пишет Афинодор в VIII книге «Прогулок»)»* - Диоген Лаэртский, III, 1, 3.

ранних «доакадемических» диалогов Платона³⁸). Да и сам Платон достаточно часто наведывался туда.³⁹ Но обосновался окончательно уже после первой сицилийской поездки.⁴⁰

Приобретение участка в Академе пришлось на пору разочарования Платона в общественной и государственной деятельности. Провал попыток обратить Дионисия Старшего в «свою веру» довершил для него череду пережитых, прочувствованных и потому ставших знаковыми событий – изгнание Фукидида и (фактически) Еврипида, разгром афинской экспедиции на Сицилию, окончательное поражение города в Пелопоннесской войне и суд над Сократом. *«Наше государство уже не жило по обычаям и привычкам наших отцов, а найти других, новых людей невозможно с завидной легкостью. Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как все пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах. Но я не переставал размышлять, каким путем может произойти улучшение нравов и особенно всего государственного устройства; что же касается моей деятельности, я решил выждать подходящего случая. В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо; ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь от нее одной исходят как государственная законность, так и все касающееся частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами».*⁴¹

Итак, он – сам или с помощью Анникерида, Диона или чьей-либо еще – приобрел и посвятил Музам участок с гимнасием в священной роще (тот самый «садик» у Лаэртского), установив в их честь специальное святилище – Мусейон⁴², затем дополнительно пристроил помещение для жилья, крытую галерею для занятий с учениками (exedra) и учебные залы. Хотя вот Диллон настаивает на том, что большая часть занятий проводилась всё же на открытом воздухе: *«Из истории видно, как соотносились между собой публичный peripatos и частные владения Платона, причем ясно, что философией занимались в обоих этих местах. Прежде всего отмечу, что в истории упоминается о двух местах: peripatos и kēpos. Я не перевел слово peripatos, опасаясь придать ему ложные коннотации. Это могла быть постройка, возможно - с колоннами, наподобие аристотелевского peripatos в парке Ликея, а возможно, это была всего лишь часть*

³⁸ Платон. Лисид, 1.

³⁹ *«Сперва Платон занимался философией (в Академии, затем в саду близ Колона) (так пишет Александр в «Премствах»)».* - Диоген Лаэртский, III, 1, 5.

⁴⁰ *«Воротившись в Афины, он поселился в Академии. Это гимнасий в роще за городскими стенами, получивший свое название от героя Гекадема, как пишет и Евполид в комедии «Невоеннообязанные»... «Гекадемией» (через «Ге») назывался прежде и сам гимнасий».* - Диоген Лаэртский, III, 1, 7-8.

⁴¹ Платон. Письмо VII, 325d-e – 326a-b- перевод С.П.Кондратьева. Нелишне будет заметить, что частью исследователей творческого наследия Платона, хоть и меньшей, настоящее письмо признается подложным.

⁴² Его племянник и преемник Спевсипп «воздвигнул изваяния Харит в святилище Муз, основанном Платоном в Академии» - Диоген Лаэртский, IV, 1, 1.

*Академии, в которой группа прогуливалась и разговаривала. В любом случае, именно там проходили занятия, которые вел Платон».*⁴³

И речи о полном общежитии, скорее всего, не шло – по крайней мере, если судить по биографиям некоторых следующих схолархов Древней Академии. Например, Полемона - *«жил он затворником в саду Академии, а ученики его селились вокруг, поставив себе хижины близ святилища Муз и крытой галереи».*⁴⁴ Относительно Полемона Лаэртский отчасти противоречит самому себе в жизнеописании Кратета: *«Полемон и Кратет обитали у одного из горожан по имени Лисикл».*⁴⁵ Хотя вот Ксенократ жил *«большой частью в Академии».*⁴⁶

Некоторые в введении Платоном мусического культа усматривают больше прагматические мотивы. Например, У.Гатри: *«Для того чтобы создать общество, владеющее своей землей и помещением, как это было в случае с Платоном, по-видимому, необходимо было официально зарегистрировать его как thiasos, т. е. религиозную организацию, посвященную определенному божеству, которое и должно считаться номинальным хозяином этого имущества. Платон выбрал Муз, покровительниц образования, не только потому, что верил в то, что "философия есть высшая форма мусического искусства" (Федр 61a), но, скорее, по той простой причине, что мусейон, или святилище Муз, был в то время традиционной частью любой школы».*⁴⁷

Так появилась философская школа Платона, соперничавшая по популярности и известности в Афинах с риторической Исократ. С введением у себя культа Муз – охранительниц мировой гармонии, к которым возводилось «творческое неистовство» как разновидность божественного⁴⁸, она переставала мыслиться таковой в чистом виде, претендуя уже на большее - на статус религиозно-философского⁴⁹ и научно-образовательного сообщества⁵⁰, и в его рамках на сложение в единую систему и сакрализацию научного познания, свободных искусств, духовного воспитания и

⁴³ Джон Диллон. Наследники Платона. Исследование истории Древней Академии (347-274 гг. до н. э.), с. 16 – 17.

⁴⁴ Диоген Лаэртский, IV, 3, 19.

⁴⁵ Там же, 4, 22.

⁴⁶ Там же, 2, 6 .

⁴⁷ W. K. C. Guthrie. A History of Greek Philosophy, Volume 4: Plato, the Man and His Dialogues: Earlier Period, Cambridge University Press, с. 20 – перевод Е.В.Афонасина дан по изданию: Джон Диллон. Наследники Платона. Исследование истории Древней Академии (347-274 гг. до н. э.), с. 16 – 17.

⁴⁸ Платон. Федр, 265b.

⁴⁹ Диллон считает иначе: *«Однако, как представляется, здесь смешаны разные вещи. Джон Линч успешно доказал, что предположение Вилламовица о том, что Академия должна была быть религиозным обществом (thiasos), посвященным Музам, просто ошибочно 12 . Наши свидетельства говорят о другом. Мы знаем всего лишь, что Платон посвятил некий храм Музам, а его наследник Спевсипп поставил туда статуи Граций... Этот храм действительно мог служить основным местом прогулок в Академии, однако из факта его существования не следует, что сама школа представляла собой thiasos. Едва ли вышеописанный спор был чем-то большим, нежели попыткой отстоять обычное место собраний на территории, открытой для публики»* - Джон Диллон. Наследники Платона. Исследование истории Древней Академии (347-274 гг. до н. э.), с. 17.

⁵⁰ Антон-Херман Круст добавляет *«возможно, первого организованного института политической науки в западном мире..., созданного с целью деятельного переустройства и улучшения существующих общественных институций и политических структур»* - Anton-Hermann Chroust. Plato's Academy: The First Organized School of Political Science in Antiquity. – в: The Review of Politics, April, 1967, с.26, перевод наш. Тема заслуживает отдельного рассмотрения, но, разумеется, помимо настоящего исследования.

телесного совершенствования, которые культивировали в Академии Платон и его последователи. *«По их мнению, все, что служит для исправления ума, близко богам».*⁵¹

Исправлению ума и постижению истины, помимо физических упражнений в гимнасии, уединения и размышлений, музицирования, уроков поэтики и риторики, этики и политики служили даже сисситии – *«ведь ученики Платона и Спевсиппа не затем сбегались на такие же пиры, дливишиеся до зари, чтобы только поесть и выпить, а чтобы оказать почет богам, чтобы поразговаривать на радость Музам, а главное, ради отдыха и любви к словесности».*⁵² И, разумеется, науки, которые преподавались в Академии. В первую очередь, конечно, математические: арифметика, геометрия и астрономия, которым сам Платон до этого обучался у Феодора Киренского.⁵³ Но еще в том или ином виде естественные – метафизика, физика и оптика, ботаника и зоология, метеорология, а также медицина.

Относительно наличия библиотеки в Академии у нас нет прямых свидетельств, хотя, исходя из перечня изучаемых наук и контингента обучавшихся, предполагать её существование и постоянное пополнение логично. О самом Платоне, помимо вышеупомянутого эпизода с книгами Филолая, мы читаем у Лаэртского только про списки с книг сиракузского мимोगрафа Софрона, которые он привез из Сицилии. Олимпиодор к Софрону добавляет еще Аристофана. То же можно сказать и про естественнонаучные коллекции в Академии, даже хотя бы на уровне вотивных даров, – мы не располагаем сведениями о них. По крайней мере, в приводимых Диогеном Лаэртским завещаниях Платона и следующих схолархов Академии нет ни слова ни о библиотеке, ни о каком-либо ином имуществе школы.

Несмотря на то, что формальный регламент для школы появился уже при Спевсиппе, некое подобие внутреннего распорядка, не совсем формального устава, скорее всего, существовало и раньше. Мы можем говорить о назначении в Мусейоне из числа учеников «служителя Муз» и «приносящего священные жертвы». Или как минимум о двух уровнях посвящения для тщательно отбираемых учеников – один общий, предполагавший изучение основ тех или иных наук, и другой – для избранных, прошедших его и подготовленных к постижению истин более высокого порядка.

Лаэртский перечисляет наиболее именитых выпускников Академии: *«Спевсипп Афинский, Ксенократ Халкедонский, Аристотель Стагирит, Филипп Опунтский, Гестией Перинфский, Дион Сиракузский, Амикл Гераклеяский, Эраст и Кориск Скепсийские, Тимолай Кизикский, Евеон Лампсакский, Пифон и Гераклид Эносские, Гиппофал и Каллипп Афинские, Деметрий Амфипольский, Гераклид Понтийский и многие другие, в том числе и женщины — Ласфения из Мантинеи и Аксиофея из Флиунта, которая даже одевалась по-мужски (как говорит Дикеарх). Некоторые причисляют к его слушателям и Феофраста; Хамелеон — оратора Гиперида и Ликурга (то же сообщает и Полемон); а Сабин (ссылаясь на IV книгу «Пособий к упражнениям» Мнесистрата Фасосского) — даже Демосфена, и это похоже на прав-*

⁵¹ Страбон. География, X, 10.

⁵² Афиней, 69, 547f - 548a.

⁵³ Вопреки указанию Диогена Лаэртского, обучение Платона у Феодора имело место не в Кирене, на родине последнего, а скорее в Афинах, куда тот наведывался, – Диоген Лаэртский, III, 1, 6.

ду»⁵⁴. При этом он непросто «забывает» некоторых, без которых наше представление об античной науке заметно пострадало бы, – например, Евдокса Книдского⁵⁵, херсонесских математиков Динострата и Менехма, эфесца (а, может, сиракузянина) Гермодора, к которым можно присовокупить еще нескольких, называемых в «Academica» Филодема.⁵⁶ Кое-кто из перечисленных, пройдя углубленное обучение у Платона, составлял ему компанию в преподавании наук в Академии.

Однако никто из них оставил такой след в истории науки и философии как Аристотель из Стагиры после 20 лет, проведенных в Афинах под началом Платона. Срок нахождения Аристотеля при Платоне определен нами условно-приблизительно. Разные исследователи называют разные даты. Например, Жозеф Моро⁵⁷, Ингемар Дюринг⁵⁸, Карло Натали⁵⁹ и Феликс Граефф⁶⁰, основываясь на данных Дионисия Галикарнасского (Dionisius of Halicarnassus, Epist. ad Amvumim, l. 5, p. 728 – Целлер, 7), относят появление Стагирита в Афинах к архонтству Полизела (367/6 год до н.э.) – в отличие от Олофа Жигона и Антона-Херманна Круста, считающими правильным предшествовавшее ему архонтство Навсигена в соответствии с Vita Marciana, 3. В нашем случае мы полагаем сугубую точность вполне факультативной.

Если верить И.Дюрингу⁶¹ и А-Х.Крусту⁶², а не общепринятой версии, Аристотель был вынужден покинуть Афины и Академию не сразу *«после кончины Платона в архонтство Теофила»*⁶³, а совсем незадолго до смерти Платона. При всей спорности и неочевидности аргументации Круста его предположение может выглядеть наиболее правдоподобным (если не принимать в расчет вероятность энкесиса, о котором мы заговорим чуть ниже) объяснением того факта, почему Платон, который всё-таки отличал Аристотеля из всех учеников, назначил своим преемником не его, а Спевсиппа, приходившегося ему племянником. По смерти последнего *«он находился в афинском посольстве к Филиппу, когда главенство в академической школе перешло к Ксенократу»*.⁶⁴

Вряд ли стоит придавать много значения возможной обиде Аристотеля на Платона или Спевсиппа с Ксенократом за то, что его дважды обошли при назначении схоларха над Академией. Хотя вот Лаэртский свидетельствует, что прогулки с учениками в Ликее Аристотель стал практи-

⁵⁴ Диоген Лаэртский, III, 1, 46-47.

⁵⁵ Принадлежность Евдокса к кругу учеников Платона оспаривается – см., например, Л.Я Жмудь. Зарождение истории науки в античности, Спб., 2002, с. 143 – 150.

⁵⁶ См. Джон Диллон. Наследники Платона. Исследование истории Древней Академии (347-274 гг. до н. э.), с. 25. Кстати, далее у Диллона следует небезынтересное перечисление (не только на основе плутарховского «Ответа Колоту») выходцев из Академии, с разной степенью успешности занимавшихся политикой.

⁵⁷ Joseph Moreau. Aristote et son école, Presses Universitaires de France, 1962, с.4.

⁵⁸ I. Düring. Aristotle in the ancient biographical tradition, Goteborg, 1957, с. 249.

⁵⁹ Carlo Natali. Aristotle: his life and school, Princeton University Press, 2013, с. 19.

⁶⁰ Felix Grayeff. Aristotle and his school. An Inquiry into the History of the Peripatos With a Commentary on Metaphysics Z, H, Λ and Θ, Harper & Row Publishers, 1974, с. 16.

⁶¹ I. Düring. Указ. соч., с. 249, 276, 459.

⁶² Anton-Hermann Chroust. Aristotle: New light on his life and on some of his lost works, Routledge, 1973, v.1, ch. IX – Aristotle leaves the Academy.

⁶³ Диоген Лаэртский, V, 1, 9.

⁶⁴ Диоген Лаэртский, V, 1, 2.

ковать сразу после окончания посольства. Однако об основании им своей школы именно тогда говорить маловероятно.

Будущему Перипату и самому Стагириту эти годы «простоя» дали намного больше. Почти непостижимым образом они принесли ему покровительство Филиппа и Александра, с одной стороны, а также признательность афинян за посредничество в их пользу перед македонскими победителями при Херонее⁶⁵, с другой.

Нет ничего странного в том, что при Филиппе в честь Аристотеля восстановили разрушенную Стагиру и воздвигли в ней статую философу. Однако то, что примерно в это же время соразмерные почести ему оказали прямые противники македонского царя – афиняне, до крайности удивительно. Об этом свидетельствуют античная и арабская биографические традиции. С той лишь малосущественной разницей, что в первой ведется речь об установлении статуи на Акрополе⁶⁶, а вторая⁶⁷ сообщает, будто афиняне приняли псефисму о даровании Стагириту проксении и, более того, установили стелу с ней там же, на Акрополе.

Попробуем допустить, что дело обстояло именно так, как представляют названные выше биографы, и что в числе привилегий Аристотеля как проксена, помимо обычных асилии, ателии, проэдрии и т.д., афиняне могли прописать и энктесис – право приобретать землю и жильё. В таком случае принадлежность участка, где в итоге обосновались будущие перипатетики, начинает выглядеть иначе. Вспомним, что позднее, при содействии Деметрия Фалерского, и у Феофраста, по рождению такого же метэка в Афинах, каким был Аристотель в период своего пребывания в Академии, появились права собственности на Ликей как недвижимое имущество⁶⁸. То, что нам ничего не известно о проксении эрессца в Афинах, не обязательно означает, что её не было. Состояние источников для полной уверенности в этом или обратном не таково.

Подобной версии вроде бы противоречит история с фактическим изгнанием Стагирита в 323 году, после смерти Александра, на Эвбею. Пользуясь как проксен асилией, он мог и не спастись бегством. Однако столь тяжкое обвинение в религиозном нечестии, которое выдвигалось противоположной партией (что крайне и весьма показательно - почти одновременно и против Демада, афинского гражданина) против него, македонца и философа с аристократическими предпочтениями, явно перевешивало и дезавуировало проксению⁶⁹.

⁶⁵ Высказывалось даже предположение, что именно заступничество Аристотеля отвело от афинян гнев Александра в 335 году до н.э. и избавило город от незавидной участи Фив быть разрушенными до основания - Anton-Hermann Chroust. *Athens Bestows the Decree of Proxenia on Aristotle* – в: *Hermes*, 101. Bd., H. 2 (1973), с. 191.

⁶⁶ *Vita Aristotelis Marciana* 20 – «И для афинян он сделал много хорошего в своих посланиях к Филиппу, отчего афиняне воздвигли ему статую на Акрополе»; и *Vita Aristotelis Latina* 20 – практически идентичный текст.

⁶⁷ Ibn Abi Usaibia, 17-18.

⁶⁸ «Говорят, у Феофраста был свой сад, купленный уже после смерти Аристотеля с помощью Деметрия Фалерского, друга его» - Диоген Лаэртский, V, 2, 39.

⁶⁹ Демофил и Эвримедонт, от которых исходило обвинение, отличались яркой неприязнью к Македонии и ее сторонникам в Афинах. Они же в 318 году выступили с обвинениями в адрес Фокиона и Феофраста соответственно, из-за чего не в последнюю очередь годом позже удостоились попадания в «проскрипционный» список Кассандра – он оказался фактически единственной суровостью, предъявленной им капитулировавшему городу. Лаэртский – V, 2, 37 – в связи с Феофрастом говорит также о Гагнониде.

Вернемся к псефисме о проксении. Ибн Аби Усайбия сообщает, что эта инициатива афинян о чествовании Стагирита нашла главного противника в лице... Гимерия, брата Деметрия Фалерского! Он буквально набросился на стелу, на которой должны были вырезать надпись, совлек её с постамента и швырнул наземь, за что впоследствии поплатился смертью от Антипатра. Любопытный пассаж, однако нельзя не отметить явный анахронизм в источнике.⁷⁰

Впрочем, дальнейшее выяснение этой версии – даже страхуясь от очевидной шаткости гипотезы об энктесисе и противоречии описанной в ней цепи событий хронологии Аполлодора – для нашего исследования имеет немного смысла. Во-первых, Мусейон Деметрия Фалерского организовывался в Александрии, египетском полисе с отличным от греческого – при всем возможном заимствовании афинских прецедентов – законодательством. А во-вторых, патронаж Птолемея Сотера снимал для Деметрия любые поводы изучать учредительский опыт Платона и Аристотеля. Нам достаточно исходить из того, что у Аристотеля по возвращении в Афины в 335/4 году до н.э. имелись законные основания вступить во владение или пользование участком земли вблизи городских стен на восток (или чуть северо-восток – за нынешним Национальным садом возле здания греческого Парламента) и открыть там свою школу. Делалось им это, очевидно, по уже использованной Платоном схеме (если смотреть под предложенным У.Гатри углом зрения, отмеченным выше), когда установка жертвенника Музам являлась только необходимым формальным основанием для регистрации фиаса. Известно, по крайней мере, что обрядовая сторона мусического культа, жертвоприношения и агоны не занимали в распорядке Ликейя центрального места, уступив его учебным занятиям и научным исследованиям, а медитативные практики по образцу и подобию принятых в Академии в нем практически начисто отсутствовали.

Вряд ли этой посылке в силу их беглости и мимолетности противоречат другие присутствия Муз и мусеев в биографиях Аристотеля и Феофраста. Например, апелляция первого к Музам в приснопамятном эпане Гермию Атарнейскому. Или наличие мусея в Стагире (может быть, построенного или восстановленного Аристотелем), в саду которого Феофраст производил наблюдения за ростом серебристого тополя, сначала повалившегося, а затем вновь поднявшегося⁷¹.

Место для школы было выбрано Стагиритом в высшей степени удачно⁷². Мусейон в урочище Аполлона Ликейского, к тому же с гимнасием для упражнений эфэбов, выглядел более чем органично. Напротив возвышался «волчий» холм Ликабетт. Неподалеку протекали Эридан и Илис. До стен города было с полкилометра. Местность, особенно храм «титульного» божества и гимнасий, тщательно облагораживалась. Вначале то ли Писистратом (Theopomp. ap. Harpocr. et Suid., s.v. Lykeion = FgrHist 115 F 136), то ли Периклом (Philochor., ibid. = FgrHist 328 F 37) – полной ясности на этот счет нет. Возможно, роль второго ограничивалась простым попечительством над гимнасием. А Ликург непосредственно перед появлением здесь Аристотеля (или в связи с ним – ведь, по некоторым данным, Ликург тоже был слушателем Платона) *«подготовил и оборудовал*

⁷⁰ Ibn Abi Usaibia, 20.

⁷¹ Феофраст. Исследование о растениях, IV, 16, 3.

⁷² Ликей, а точнее фундамент его палестры, был обнаружен в 1996 году при раскопках Эфи Лигури-Толиа на улице Ригиллис.

места для общественных упражнений в Ликее и посадил деревья перед ним; он также построил палестру»⁷³.

Имевшиеся в Ликее площади и строения постепенно приспособлялись под нужды школы. Очень похоже, что делалось это во многом по образцу и подобию Академии. Там за полстолетия её существования, которому сам Аристотель (и отчасти Феофраст, который, кажется, тоже провел некоторое время у Платона) в течение двадцати лет был непосредственным свидетелем изнутри, застройка, распорядок, учебные и научные занятия приобрели уже законченные формы. Хотя обычно считается, что ее обустройство завершалось уже при Феофрасте. По крайней мере, сравнение приводимых у Лаэртского завещаний Стагирита и Феофраста даёт поводы считать именно так. У Аристотеля обошлось вообще без упоминаний училища. Зато последняя воля Феофраста предполагала довольно серьезные работы в Ликее: *«Прежде всего довершить святилище и статуи Муз и все прочее, что удастся там украсить к лучшему. Далее, восстановить в святилище изваяние Аристотеля и все остальные приношения, сколько их там было прежде. Далее, отстроить портики при святилище не хуже, чем они были, и в нижний портик поместить картины, 52 изображающие всю землю в охвате, и алтарь устроить законченным и красивым»⁷⁴.* Впрочем, обороты вроде «довершить», «восстановить... сколько их там было прежде» и «отстроить... не хуже, чем они были» не исключают активной роли основателя Ликеев в обустройстве школы. Видимо, от святилища уходил в сад еще один, главный портик – тот самый перипатос, в котором Аристотель в режиме прогулочной беседы наставлял своих студентов и который, помимо своего прямого назначения, служил еще и местом погребения схолахов (например, самого Феофраста) и расположения «живых» ботанических и отчасти зоологических собраний Ликеев. Хотя, само собой, основным местом хранения коллекций, сведения о которых дошли до нас главным образом в изложении Афинея и Плиния Старшего, являлись различные строения по соседству со святилищем и садом. К ним примыкали хозяйственные, жилые (для проживания схолаха и особо выделяемых учеников; остальные квартировали в городе поблизости) и иные помещения – например, для библиотеки схолаха и школы. Или для коллективных трапез, примечательных настолько, что Афиней посвятил им отдельное красочное описание. Правда, у навкратисца речь шла о ликейских сисситиях уже при Ликоне. Очевидно, именно при нем в обиход вошла складчина по 9 оболов с каждого начинающего студента, «продвинутые» были всё же освобождены от взносов.

Последнее обстоятельство вряд ли можно считать свидетельством скромных материальных возможностей основателя и схолахов школы. Наоборот, перечень имущества и обслуживающего персонала – рабов, рабынь и вольноотпущенников - в завещании Феофраста (а также домашней утвари в завещании Стратона⁷⁵), как и сама цифра в 2000 студентов, которые, по свидетельству Лаэртского⁷⁶, слушали его лекции, говорит об обратном. Ликеев явно делались богатые дары и

⁷³ Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов, 841 с – d, перевод Агностика.

⁷⁴ Диоген Лаэртский, V, 2, 51-52.

⁷⁵ Диоген Лаэртский, V, 3, 62.

⁷⁶ Диоген Лаэртский, V, 2, 37.

приношения. И не только при Аристотеле, главным и щедрым спонсором которого был Александр – он присылал как деньги (называется цифра в 800 талантов, предназначавшаяся им только для зоологических исследований, включая препарирование, набивку чучел наиболее редких и экзотических животных, и т.д.⁷⁷, так и экспонаты для естественнонаучных коллекций школы. Стратон получил 80 талантов от Птолемея Сотера⁷⁸, а Ликон регулярно пользовался вспомоществованиями от пергамских правителей Евмена и Аттала, при этом пренебрегая Антиохом⁷⁹. Афиней в «Пире мудрецов» довольно язвительно проходит по пристрастию Ликона к излишней роскоши⁸⁰. Ну и, конечно, не забудем деятельного (в том числе в материальном плане) участия Деметрия Фалерского в делах Перипата при Теофрасте.

⁷⁷ Афиней. Пир мудрецов, IX, 58, 398e.

⁷⁸ Диоген Лаэртский, V, 3, 58.

⁷⁹ Диоген Лаэртский, V, 4, 67

⁸⁰ Афиней. Пир мудрецов, XII, 547 d-f – 548 a.